
PREFACE

The fall of Russian monarchy is certainly one of the most studied events of the twentieth century. Yet it continues to attract, fascinate and often mystify historians and the public at large. The complex currents and cross currents of politics played out against the backdrop of a World War, court intrigues, parliamentary maneuvers, bewildering shifts of key players, the alleged intervention of “dark forces,” the looming specter of popular revolt, the tragic and difficult figures of the last emperor and empress, create a vast labyrinth that is exceedingly difficult to negotiate. Historians face a staggering volume of source material, both published and archival—institutional records, memoirs, journalism, diplomatic correspondence, governmental investigations, testimony of almost every kind, detailed and sometimes accurate, but often self-serving and polemical — that make definitive judgments virtually impossible. The best readers can hope for is a scholar with a clear point of view to guide them along one of the many paths that can be taken.

S.V. Kulikov provides such a guide with this massive study of conflict within the Russian governing elite from the outbreak of World War I to the February Revolution of 1917. While not denying the significance of revolt from below, Kulikov insists we remember that *revolutions* almost always start at the top of societies. Not until the elites have discredited the older order, often through well-meaning reforms and conflicts among themselves, do the lower orders begin to rise against an established regime.

Kulikov describes these fatal disputes and reform efforts during the last years of tsarism in enormous, some might say excruciating, detail. In the process he demonstrates a stunning mastery of the sources and the literature of the period, a mastery that emancipates him from many past narratives and interpretations. Kulikov has little use for the class struggle or for the long-established dichotomy between *vlast'* and *obshchestvennost'*. At the center of his analysis is a reconsideration of the higher bureaucracy itself. Kulikov insists that by the beginning of the twentieth century the government elite was not a special element set apart from educated society but a part of it. Those in the upper ranks of tsarist officialdom were members of the Russian intelligentsia, indeed Kulikov believes they were perhaps its most westernized and cultured segment. The intellectual hallmark of this “serving intelligentsia” was its liberalism. This was not the “liberalism” of the Kadets and left Octobrists, whose views Kulikov sees as essentially radical, but a “governmental” and “preservationist” liberalism that was strongly influenced by the ideas of B.N. Chicherin. By no means

hostile to significant reform, this liberalism was constitutional. It accepted a limited monarchy and a law-based state, and opposed the “rejectionist” position of the Kadets and socialists on the left and of the “black hundreds” on the right.

Kulikov maintains, however, that on the eve of the war the upper bureaucracy was, itself, seriously divided. Its constitutionalism had taken two distinct forms. The first was “dualist,” based on a strict interpretation of the Fundamental Laws of 1906. Those who held this position believed that the autocracy was limited only in the legislative process. While the Duma and the State Council were essential to the functioning of government, they could have no role in the administration of the state. The tsar was absolute in this area and all ministers were responsible solely to him. The second tendency within the upper bureaucracy was “parliamentarist,” founded on a loose construction of the Fundamental Laws. Central to this point of view was the belief that Russia was already in essence a fully constitutional regime and that the term “autocrat” had only historical and ideological significance. The tsar embodied the idea of the sovereignty of the state and the independence of the nation. For the “parliamentarists” it was entirely appropriate for the emperor to share full power with the representatives of the people even in the exercise of his administrative duties.

Kulikov puts Nicholas II at the center of this conflict in official ranks. Instead of a conservative, hostile to significant change and distrustful of the Duma, Kulikov’s Nicholas is a liberal reformer, a constitutionalist of the “dualist” persuasion. The circumstances of wartime increased, rather than decreased, the tsar’s willingness to work with the parliament. The story of politics in the years 1914–1917 was, Kulikov believes, a tale of repeated, failed attempts of the emperor to reach accommodation with the legislative institutions in order to achieve victory and to effect significant reforms. But the tsar’s efforts were frustrated and conflict escalated because of the dispute over the creation of a “ministry enjoying public confidence.” For the “parliamentarists” within the upper bureaucracy and members of the Progressive Bloc in the Duma, such a ministry would have to be *de facto* if not *de jure* responsible to the legislative institutions. Nicholas and the “dualists” believed that this goal could be accomplished without abandoning their strict construction of the Fundamental Laws. In the end all the tsar’s efforts at compromise proved unavailing. The “parliamentarist” faction increasingly moved in the direction of the Progressive Bloc and, like the Bloc itself, became increasingly hostile to Nicholas. Ultimately, intra-elite conflict brought about the abdication of the tsar, the end of the monarchy and opened the way to revolution from below.

Kulikov’s account of the fall of the dynasty is sure to be controversial and the author should expect sharp criticism from those who hold more traditional views. But whatever failings this book may possess, its impact will be a salutary one, forcing a significant reconsideration of one of the most important events of the century just passed. Kulikov calls on us to reexamine the nature of the tsarist bureaucratic elite, the character of the last tsar and a host of well-established truisms about the period of World War I and the outbreak of the revolution. Either by accident or by design, Kulikov’s focus on the role of intra-elite conflict in the downfall of the tsarist autocracy also provides intriguing parallels with the processes that brought down twentieth-century Russia’s second “old regime” seventy-five years after the end of the monarchy.

Richard Robbins
University of New Mexico
Albuquerque, NM USA

Маме

Общественный порядок, разрушаемый революцией, почти всегда лучше того, что непосредственно ей предшествовал, и, как показывает опыт, наиболее опасным и трудным для правительства является тот момент, когда оно приступает к преобразованиям. Только гений может спасти государя, предпринявшего попытку облегчить положение своих подданных после длительного угнетения. Зло, которое долго терпели как неизбежное, становится непереносимым от одной только мысли, что его можно избежать. И кажется, что устраняемые злоупотребления лишь еще сильнее подчеркивают оставшиеся и делают их еще более жгучими: зло действительно становится меньшим, но ощущается острее. Феодализм в самом своем расцвете никогда не вызывал у французов такой ненависти, как в канун своего падения. Самые незначительные проявления произвола при Людовике XVI казались более несносными, чем деспотизм Людовика XIV.

Алексис де Токвиль.

«Старый порядок и революция»

ВСТУПЛЕНИЕ

В центре внимания предлагаемого исследования – высшая царская бюрократия периода Первой мировой войны, точнее – роль высшей бюрократии в предыстории падения старого порядка. Поставленная проблема рассматривается сквозь призму элитистской парадигмы.¹ Поэтому в качестве эквивалента понятию «высшая бюрократия» далее будет использоваться понятие «бюрократическая элита».

Формально бюрократическую элиту составляли чиновники, занимавшие высшие должности, т.е. должности первых четырех классов (назначенные члены Государственного совета, министры, их товарищи (заместители), сенаторы, директора департаментов и т.д.). Наряду с функционально-значимыми чиновниками, бюрократическая элита включала в себя чиновников, без которых эффективная работа государственной машины была вполне возможна. Среди них – и члены консультативных органов (советов при министрах), и чиновники особых поручений 4 класса, и начальник придворной певческой капеллы, числившийся, по своей должности, также в 4 классе. Кроме того, помимо чиновников, находившихся на политических должностях, бюрократическую элиту составляли чиновники, занимавшие

технические должности. Главное внимание в этом исследовании будет уделяться чиновникам, которые не только имели высокое положение в иерархии власти, но и принимали последние решения, выражая политическую волю бюрократической элиты.

Важность изучения роли бюрократической элиты в предыстории и истории Февральской революции детерминируется тем, что до революции правящая элита России была, прежде всего, элитой бюрократической. «Россия, — писал последний царский министр финансов П.Л.Барк, — управлялась бюрократической машиной».²

Доминирование царской бюрократии над остальными факторами исторического процесса, с другой стороны — жесткая иерархичность государственной власти, характерная для дореволюционной России, приводили к тому, что бюрократическая элита в большей степени, чем какая-либо иная социальная прослойка, оказывала решающее влияние не только внутри сферы своей компетенции, но и далеко за ее пределами. Эта черта бюрократической элиты делала ее поистине квинтэссенцией старого порядка.

Ключевая роль бюрократической элиты в политической системе царской России предопределялась и тем, что сам император Николай II являлся ее членом, будучи высшим чиновником империи. «Император, — отмечал барон Б.Э.Нольде, — был высшим чиновником, дальше которого некуда было посылать бумаги на подпись и который с воспитанной традицией аккуратностью и точностью давал свою подпись и венчал, таким образом, бюрократическую иерархию».³

В России начала XX в. бюрократизация не только общества, но и верховного управления достигла такой степени, что роль интегрирующего фактора стала играть не царская власть или какой-либо иной элемент политической системы, а бюрократическая элита. Поэтому изучение именно ее более всего способствует пониманию причин и закономерностей падения старого и возникновения нового порядка.

Представленная мотивация делает необходимым анализ не только бюрократической элиты как таковой, но и ее отношений с основными подразделениями правящей элиты предреволюционного периода, т.е. с элитами придворной (царь и императорская фамилия), военной (Ставка верховного главнокомандующего), политической (Дума и Государственный совет) и общественной (Земский и Городской союзы и военно-промышленные комитеты). Но прежде всего — необходимо дать коллективный портрет главного персонажа этой книги, бюрократической элиты, тем более что ее историография, как отечественная,⁴ так и западная,⁵ обрывается на 1914 г. Что же представляли из себя категории бюрократической элиты к 23 февраля 1917 г., накануне Февральской революции? Сведения об этом содержатся в таблице 1 приложения. Суммируя их, важно отметить, что на личном составе бюрократической элиты отразился принцип разделения властей. Категории высшей столичной бюрократии взаимопроникали друг друга слабо. Категории высшей провинциальной бюрократии были вовсе изолированы друг от друга.

Чиновный ценз представителей бюрократической элиты соответствовал их должностному статусу. Подавляющее большинство сановников

имели высшие чины, т.е. чины первых четырех классов. Отношения всех категорий бюрократической элиты с императорским двором (за исключением дипломатов) не отличались особой прочностью.⁶ Степень милитаризованности всех категорий (кроме генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников) была низкой. Гражданская служба на вершине власти эмансипировалась как от придворной, так и от военной службы.

По своему происхождению большинство сановников принадлежали к потомственному дворянству. На уровне высшей столичной бюрократии недворяне образовывали одну шестую членов Государственного совета, две пятых министров и главноуправляющих, одну пятую сенаторов, треть товарищей министров и директоров департаментов.⁷ На уровне высшей провинциальной бюрократии недворяне составляли четверть генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников, одну десятую вице-губернаторов,⁸ более трети председателей судебных палат и окружных судов. Недворяне доминировали только среди управляющих казенными палатами и акцизными сборами (две трети). Среди дипломатов они образовывали одну седьмую.⁹ Налицо как будто бы невысокая степень демократизованности, вернее — обуржуазивания, личного состава бюрократической элиты. Однако это только кажется.

Дворянская прослойка высшей бюрократии была крайне неоднородна, на что в историографии не обращалось должного внимания. Во-первых, данная прослойка включала в себя представителей старого, допетровского дворянства. Они составляли явное большинство только среди губернаторов, вице-губернаторов и дипломатов. Особую подгруппу образовывали титулованные дворяне, составлявшие внутри всех категорий меньшинство.

Дворянская прослойка включала в себя и представителей нового дворянства, т.е. потомков лиц, которые выслужили дворянское достоинство. Формально новые дворяне принадлежали к потомственному дворянству. Фактически они были представителями потомственного чиновничества и офицерства, разночинцами. Старые дворяне не считали их своими.¹⁰

Разночинцы образовывали треть членов Государственного совета (адмирал Е.И.Алексеев,¹¹ Л.В.Барсов,¹² А.К.Варженевский,¹³ С.Ф.Вебер,¹⁴ Л.А.Георгиевский,¹⁵ Н.Н.Герард,¹⁶ В.Ф.Дейтрих,¹⁷ А.Н.Деревицкий,¹⁸ Н.А.Зиновьев,¹⁹ И.С. и Н.С.Крашенинниковы,²⁰ С.М.Лукиянов,²¹ Н.А.Маклаков,²² Н.В.Плеве,²³ генерал А.Ф.Редигер,²⁴ В.К.Саблер,²⁵ А.С.Стишинский,²⁶ А.Ф.Трепов,²⁷ генералы П.Ф.Унтербергер²⁸ и А.А.Фрезе,²⁹ Г.Г.Чаплинский,³⁰ генерал Н.К.Шведов,³¹ В.К.Шлиппе,³² Б.В.Штюрмер,³³ адмирал А.А.Эбергард³⁴ и другие).

Среди министров новые дворяне составляли одну десятую (министр финансов П.Л.Барк³⁵ и морской министр адмирал И.К.Григорович³⁶), а среди сенаторов — почти треть (в том числе В.А.Бальц,³⁷ Ф.К.Баних,³⁸ А.В.Бельгард,³⁹ А.К.Бельгард,⁴⁰ В.А.Брюн-де-Сент-Ипполит,⁴¹ Ф.А.Вальтер,⁴² Д.А.Викторов,⁴³ К.Ф.Виноградов,⁴⁴ Н.И. и Э.И.Вуичи,⁴⁵ Я.Ф.Ганскау,⁴⁶ А.Н.Гедда,⁴⁷ Н.Н.Гирс,⁴⁸ И.Я.Голубев,⁴⁹ Л.С.Драверт,⁵⁰ А.А. и Д.А.Живковичи,⁵¹ Н.Н.Камышанский,⁵² М.К.Катеринич,⁵³ Н.Н. и Н.П.Лавриновские,⁵⁴ А.В.Лонгинов,⁵⁵ Д.Н.Любимов,⁵⁶ П.Г.Мокиевский,⁵⁷ Н.И.Ненарокомов,⁵⁸

Л.В.Позен,⁵⁹ Н.П.Посников,⁶⁰ А.Н.Рождественский,⁶¹ А.Н.Силин,⁶² С.Я.Утин,⁶³ В.Э. и Э.В.Фриши,⁶⁴ Р.Г.Шлейфер⁶⁵).

Среди представителей высшей ведомственной бюрократии новые дворяне образовывали одну пятую (помощник военного министра Н.П.Гарин,⁶⁶ начальник главного тюремного управления Министерства юстиции П.К.Гран,⁶⁷ заведующий придворной конюшенной частью генерал А.А.Гринвальд,⁶⁸ директор департамента общих дел Министерства народного просвещения А.П.Даев,⁶⁹ товарищ главноуправляющего канцелярией по учреждениям императрицы Марии В.К.Кистер,⁷⁰ начальник управления по сооружению железных дорог МПС А.В.Ливеровский,⁷¹ главный врачебный инспектор МВД А.Н.Молодовский,⁷² товарищ министра иностранных дел А.А.Нератов,⁷³ директор департамента общих дел МВД Е.Г.Шинкевич⁷⁴ и товарищ главноуправляющего канцелярией по принятию прошений на высочайшее имя М.Н.Юст⁷⁵ и другие).

Среди генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников новые дворяне составляли треть (в том числе генерал Ф.А.Зейн,⁷⁶ А.И.Келеповский,⁷⁷ В.В.Лигин,⁷⁸ А.И.Пилыц⁷⁹ и генерал Ф.Ф.Трепов⁸⁰), среди вице-губернаторов — одну пятую, управляющих казенными палатами и акцизными сборами — одну десятую, председателей судебных палат и окружных судов — четверть и дипломатов — одну десятую.

Неоднородной была не только дворянская прослойка, но и входившая в нее подгруппа старых дворян, которую образовывали помещики и безземельные сановники. Безземельные старые дворяне составляли одну пятую членов Государственного совета, треть министров, четверть сенаторов и представителей высшей министерской бюрократии, четверть генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников, две пятых вице-губернаторов, около четверти управляющих казенными палатами и акцизными сборами, одну пятую председателей судебных палат и окружных судов и две пятых дипломатов.

Безземельные старые дворяне принадлежали к интеллигенции с точки зрения не только помещиков и консерваторов, но и оппозиционеров.⁸¹ Новые дворяне и безземельные старые дворяне по своему социальному статусу были ближе к недворянам, а не к старым дворянам, обладавшим землей. Поэтому первых трех целесообразно соединить в одну прослойку. Недворяне, новые дворяне и безземельные старые дворяне среди всех категорий бюрократической элиты в совокупности составляли подавляющее большинство. Следовательно, степень обуржуазивания, демократизированности бюрократической элиты на самом деле была весьма высокой.

Почти все сановники исповедовали православие. Тем не менее доля инославных (главным образом — лютеран) доходила до одной седьмой (сенаторы). Учитывая, что в годы мировой войны политическую актуальность обрела борьба с «немецким засильем», сохранение на вершине власти заметной прослойки лютеран, т.е. немцев, говорит о толерантности бюрократической элиты.⁸²

Средний возраст членов Государственного совета равнялся 64 годам, министров и главноуправляющих — 56, сенаторов — 62, товарищей министров и директоров департаментов — 53 годам, генерал-губернаторов,

губернаторов и градоначальников — 51,3 года, вице-губернаторов — 43 годам, управляющих казенными палатами и акцизными сборами — 55,7, председателей судебных палат и окружных судов — 54,7 года и послов и посланников — 55 годам. Очевидно, война не нарушила функционирования механизма гражданской службы, поскольку и накануне революции получению высокой должности предшествовало прохождение нижестоящих ступеней, на что уходила значительная часть жизни.

Подавляющее большинство сановников являлись выпускниками вузов, среди которых лидировали выпускники университетов. Четверть от общего числа представителей высшей столичной бюрократии были выпускниками Санкт-Петербургского университета, а более одной шестой — выпускниками его юридического факультета.⁸³

Образовательный ценз бюрократической элиты отличался высоким уровнем даже по сравнению с остальными группами образованного класса. Современники, вхожие как в бюрократические, так и в интеллигентские круги, а значит — имевшие возможность для компетентного сравнения потенциала тех и других, отдавали пальму первенства бюрократической элите.⁸⁴ В отношении профиля образования юристы преобладали над остальными гуманитариями, а гуманитарии над естественниками и технократами. К 1917 г. российская монархия стала формой политического господства гуманитарной научной субкультуры.⁸⁵

Внутри всех категорий бюрократической элиты землевладельцы составляли меньшинство, за ними шли домо- и заводовладельцы. Среди землевладельцев доминировали мелко- и среднепоместные сановники. Владельцы крупных поместий были крайне немногочисленны. Владельцы родовых имений преобладали над владельцами приобретенных.

Большинство сановников почти всех категорий (кроме генерал-губернаторов) не обладали недвижимой собственностью. Для них основным источником существования было жалованье. Следовательно, к 1917 г. Россией правили не помещики, а бюрократы-профессионалы. В результате эволюции бюрократической элиты, с точки зрения социально-значимых показателей (сословное происхождение, образовательный уровень и имущественное положение), она стала частью «служилой интеллигенции», которая пребывала в составе российской интеллигенции и ранее вмещала в себя только среднее и низшее чиновничество.⁸⁶

Традиционно считается, что интеллигенция противостояла самодержавию, а значит — бюрократической элите. Однако это мнение грешит политизированностью. «Интеллигенцию, — писал ее наиболее типичный представитель, — объединяют интересы умственные, образование, специальные знания, занятие наукой, литературой, искусством, все то, что носит название свободной профессии. Интеллигенция поглощает бесконечное разнообразие всевозможных мнений, направлений, интересов и социальных положений».⁸⁷ Согласно этому, деполитизированному, определению, сановники, как носители специальных, управленческих знаний, являлись интеллигентами. С интеллигенцией бюрократическую элиту идентифицировали совершенно разные наблюдатели, в том числе и сами сановники.⁸⁸

Взаимопроникновение бюрократической элиты и интеллигенции было вполне естественно. В системе российской государственности начала XX в., при аморфности социальных страт и слабости связей между ними, царский режим являлся едва ли не единственной несущей конструкцией, а потому нуждался в компенсации своего функционального одиночества принципом не количества, а качества. «Никакому другому правительству, — подразумевая царское правительство, подчеркивал французский посол Ж.М.Палеолог в 1916 г., — не нужны в такой степени интеллигентность, честность, мудрость, дух порядка, предвидение, талант».⁸⁹

Бюрократическая элита была весьма специфической частью интеллигенции, частью, резко выделявшейся четким отождествлением общего блага и государственного интереса. В совмещении этих идеалов сановники не видели никакого противоречия.⁹⁰

Накануне революции благодаря принадлежности к интеллигенции бюрократическая элита обеспечивала политическое доминирование интеллигенции. Согласно плану, составленному в июне 1916 г. графом А.А.Бобринским, И.Я.Гурляндом и Б.В.Штюрмером, вершителями судеб тогдашнего правительственного курса, в будущей V Думе было предложено предоставить 50 мест — инородцам, 70 — представителям банков и торгово-промышленных кругов, по 80 — крестьянам и священникам и целых 200 — именно «интеллигенции».⁹¹

Вхождение бюрократической элиты в интеллигенцию усилило политическую неоднородность бюрократической элиты, что заставляет обратить особое внимание на проблему правительственного либерализма. Дух охранительства был сутью правительственного либерализма, консервативного уже по своему определению.⁹² Поэтому он обыкновенно расценивается как менее полноценный, чем общественный либерализм.⁹³ Его типичными представителями традиционно считаются члены кадетской партии. Между тем, по признанию самих же кадетов, они являлись не либералами, а радикалами. Более того, по сравнению со своими европейскими аналогами кадеты, опять таки — по их собственному признанию, были самыми левыми.⁹⁴

Радикализм кадетов обусловил неприятие ими консервативно-либеральных Основных государственных законов 1906 г. Основные законы, став первой действующей конституцией России, оформили создание дуалистической монархии, при которой наблюдается ограничение власти монарха только в законодательстве. В начале XX в. под «конституцией» русская радикальная интеллигенция подразумевала «парламентаризм»,⁹⁵ т.е. народовластие, ограничение власти главы государства не только в законодательстве, но и в управлении, прежде всего — при назначении и увольнении министров (парламентаризм в узком смысле этого слова).

Поскольку Основные законы формально такого ограничения не установили, кадеты не считали их настоящей конституцией. Однако, по мнению последнего царского министра торговли и промышленности князя В.Н.Шаховского, соглашавшегося, в данном случае, с кадетом В.А.Маклаковым, статьи 4, 7, 9, 84 и 86 Основных законов «означают точно и ясно ограничение власти монарха и тем самым составляют несомненную конститу-

цию. Другого толкования быть не могло, и оно никогда сомнения не вызывало».⁹⁶ Сохранявшееся до самой Февральской революции негативное отношение кадетской партии к Основным законам не позволяет рассматривать ее членов как ортодоксальных либералов. Если они и принадлежали к либерализму, то только в качестве представителей «нового», буржуазного либерализма, стремившегося к синтезу ряда положений «старого», «дворянского либерализма» и социализма.

Другая представительница общественного либерализма, партия октябристов, также не отличалась ортодоксальной либеральностью. По вопросу о народовластии левые октябристы примыкали к кадетской партии. На проходившем 25–29 апреля 1906 г. совещании ЦК «Союза 17 октября» при баллотировке резолюции о введении парламентаризма голоса разделились поровну.⁹⁷ Таким образом, водораздел между «новым» и «старым либерализмом» проходил по октябризму.

В отличие от общественного либерализма, правительственный либерализм являлся цитаделью «старого либерализма», идеалы которого разделяли широкие круги бюрократической элиты. Работы апостола «старого либерализма» Б.Н.Чичерина пользовались у сановников огромной популярностью.⁹⁸ Политическая философия Б.Н.Чичерина была родственна коллективному сознанию бюрократической элиты своим антисоциалистическим пафосом. Он отличал и взгляды сановников, обвинявших адептов социализма в том, что те, «в погоне за осуществлением личного равенства, забыли о свободе».⁹⁹

Столь же непопулярной, как и социалистическая идеология, была среди представителей бюрократической элиты и консервативная идеология, выражавшаяся лидерами крайне правых, черносотенцев.¹⁰⁰ Казалось бы, и сановников, и черносотенцев объединяло то, что они защищали идеалы «православия, самодержавия и народности». Но к началу XX в. семантика пресловутой триады была весьма растяжимой. В 1907 г. октябрист граф Д.А.Олсуфьев резонно заметил, что «в эти слова можно вложить самое неопределенное понятие».¹⁰¹

Представители черносотенного движения и бюрократической элиты шли в разные стороны, поскольку последние, в отличие от первых, характеризовались высочайшей степенью вестернизированности. В начале XX в. круги высшей бюрократии являлись «наиболее европейскими из всего, что было тогда в России».¹⁰²

Вестернизированность бюрократической элиты предопределила приверженность ее представителей тезису об отсутствии непреодолимого противоречия между либеральным идеалом и старым порядком. С.Е.Крыжановский, автор основных реформаторских актов начала XX в., считал, что «правовой строй» «вполне совместим с самодержавием».¹⁰³

Противоречивший либерализму антисемитизм черносотенцев большинству сановников попросту претил. П.Л.Барк, отмечая, что «в кругах бюрократии» он «не видел неприязненного отношения» к евреям, писал: «Конечно, были единичные лица, не питавшие к ним симпатии, но общего враждебного чувства не было».¹⁰⁴ Открытые сторонники черносотенцев на верхах иерархии власти составляли исключения. К 1917 г.

среди 139 членов Государственного совета по назначению и 313 сенаторов членами Главных советов марковского и дубровинского Союзов русского народа были, соответственно, только два сановника — А.А.Римский-Корсаков и А.И.Соболевский.

Широкого сочувствия крайне правым со стороны сановников не замечали сами черносотенцы.¹⁰⁵ Низкую степень сочувствия бюрократической элиты черносотенному движению доказывал и небольшие суммы казенных субсидий, отпускавшихся его лидерам. Отпуск этих субсидий говорил не о тождественности взглядов сановников и черносотенцев, а об ее отсутствии. Считая взгляды крайне правых неприемлемыми, представители бюрократической элиты хотели добиться при помощи подкупа эволюции лидеров черносотенного движения в сторону умеренности. Когда этого не происходило, субсидии прекращались.¹⁰⁶

Бюрократов и черносотенцев объединял общий враг — революция, но разделяли совершенно разные стратегические цели. «Седалище современной реакции, — справедливо подчеркивал П.Б.Струве в начале 1914 г., — находится вне бюрократии».¹⁰⁷

После революции 1905—1907 гг. царское правительство свернуло деятельность черносотенцев до минимума. Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства констатировала, что период после 1907 г. — это «время постепенного упадка» крайне правых партий, когда правительство «только терпит их, помня о деятельности их в годы революции».¹⁰⁸

Дистанцирование бюрократической элиты от черносотенцев и кадетов обеспечило центральное место правительственного либерализма в общеимперском политическом спектре 1906—1917 гг. Это место признавали за правительственным либерализмом и его представители, и лидеры оппозиции.¹⁰⁹

Вопреки традиционному взгляду, согласно которому общественное движение в последние годы старого порядка левело по причине правления власти, она пребывала в центре. Левение общественного движения обуславливалось его собственной внутренней неустойчивостью, а не правлением власти. Полевевшим общественным деятелям сановники, оставшиеся в центре, казались ортодоксальными консерваторами, что хорошо видно на примере А.А.Нарышкина, сенатора и лидера правой группы Государственного совета и Объединенного дворянства. В 1880—1890-е гг. он «имел репутацию либерала». В 1905 г. А.А.Нарышкин был «правых убеждений, но вовсе не ретроградных». После революции он, «нисколько не меняя» своих либеральных убеждений, приобрел репутацию столпа реакции.¹¹⁰ Подобная метаморфоза связана с тем, что во время революции политический спектр передвинулся влево, в результате чего центр оказался справа. Но это не означало того, что находившиеся в центре консервативные либералы стали ортодоксальными консерваторами.

Доминирование внутри бюрократической элиты не черносотенцев, а либералов конфликт между ними делало менее значимым, чем конфликт между двумя течениями правительственного либерализма. Критерием различия этих течений необходимо признать отношение их представителей к двум формам ограничения власти монарха, ключевого элемен-

та думской монархии. Тех бюрократов, которые принадлежали к левому, радикальному, крылу правительственного либерализма и, безотносительно к мотивации проводившейся ими точки зрения, выступали за введение парламентаризма, целесообразно именовать *парламентаристами*.¹¹¹ Политические взгляды парламентаристов соотносятся с идеологическими установками кадетов, прогрессистов и левых октябристов, являвшихся поклонниками «нового», «буржуазного либерализма».

Трактуя Основные законы расширительно, парламентаристы не просто признавали факт ограничения самодержавия этими законами, что имело место, по их букве и духу, только в законодательстве, но и видели в них акт, ограничивший власть императора и в управлении. Организация власти, предусмотренная Основными законами, подчеркивал министр иностранных дел А.П.Извольский, «давала России полную конституционную систему, которая, несмотря на некоторые недостатки, являлась, тем не менее, решительным шагом вперед».¹¹²

Противоречие между мнением об ограничении царской власти и применением по отношению к ней прилагательного «самодержавная» парламентаристы разрешали весьма просто. Они трактовали это прилагательное как титул, не имеющий никакого материального наполнения. По мнению автора одного из проектов Основных законов, директора Александровского лицея А.П.Саломона, прилагательное «самодержавная» указывало «скорее на источник верховной власти, чем на образ действия ее».¹¹³ Подтверждение тому, что это прилагательное не связано с неограниченностью явления, которое оно характеризовало, парламентаристы находили в российской истории допетровского периода. Поскольку тогда, считали парламентаристы, самодержавная власть «ограничения не избегала», то после 17 октября 1905 г. власть эта, «поставив себе новые пределы, права называться самодержавной не теряет».¹¹⁴

Всего лишь титул парламентаристы видели и в слове «самодержец». Обосновывая нежелательность его устранения из действовавшего законодательства, А.П.Саломон подчеркивал, что это слово должно быть сохранено как «неотъемлемая принадлежность императорского титула».¹¹⁵

Понятие «самодержавие» парламентаристы трактовали двояко. С одной стороны — как суверенитет, «независимость государя и государства», а с другой — как «самостоятельность монарха, властвующего по собственному праву, унаследованному от предков, и олицетворяющего идею верховной власти в стране».¹¹⁶ Данная точка зрения юридической неограниченности за самодержавием не признавала однозначно.

Другое мнение о самодержавии имели *дуалисты*,¹¹⁷ т.е. те сановники, которые, составляя правое, консервативное, крыло правительственного либерализма, защищали принципы конституционно-дуалистической системы. Политические взгляды дуалистов соотносимы с идеологическими установками правых октябристов, националистов и умеренно-правых, являвшихся наследниками «старого», «дворянского либерализма».

В отличие от парламентаристов, дуалисты понимали под реформированным «самодержавием» неограниченность императорской власти, но не вообще, а *только* в управлении, признавая, тем самым, ограничение

ее в законодательстве. В апреле 1906 г., характеризуя компетенцию народного представительства, член Государственного совета граф К.И. Пален заявил: «Надо надеяться, что с учреждением Думы министры не будут назначаться и увольняться по желанию ее большинства. Ведь его величество король датский 30 лет держал министерство, находившееся в оппозиции с парламентом. То же самое было и в Пруссии. Я надеюсь, что у нас никогда не будет того, что делается во Франции».¹¹⁸ К.И. Пален, выступая против парламентаризма, проводил начало конституционно-дуалистической системы, при которой власть главы государства не ограничена палатами в управлении.

Четкое отождествление строя, созданного в 1906 г., с конституционно-дуалистической системой было характерно для наиболее видных савонников. Основные законы, подчеркивал граф С.Ю. Витте, «установили конституцию, но конституцию консервативную и без парламентаризма».¹¹⁹

Дуалисты признавали права Думы только в законодательстве. Выступая против распространения ее компетенции и на управление, они полагали, что Основные законы «провели определенную грань между сферой применения власти законодательной и власти исполнительной, и грань эту надлежит строго соблюдать», поскольку «представители исполнительной власти ни в каком отношении не подчинены законодательным учреждениям».¹²⁰

Следовательно, дуалисты были горячими сторонниками основополагающего принципа классического либерализма, принципа разделения властей. В нем и заключался корень их разногласий с парламентаристами.

В исторической перспективе расхождение между дуалистами и парламентаристами базировалось на выявившемся еще в XVIII в., в концепциях Ш.Л. Монтескье и Ж.Ж. Руссо, различном понимании роли народного представительства в государственной жизни. Если первый полагал, что общая воля выражается совокупностью высших органов (в том числе и монархом), то второй выразителя общей воли видел только в народном представительстве. Однако, при воплощении концепции Ж.Ж. Руссо, «сам принцип разделения власти, — по мнению В.В. Леонтовича, — теряет почти все свое значение», поэтому руссоистская концепция — «радикальная, полностью противоречащая либерализму».¹²¹

Таким образом, правительственный либерализм начала XX в., дуалистический по своей сути, был более либеральным, чем общественный либерализм.

Наблюдающееся в настоящее время не только в исторической науке, но и в российской политике возрождение интереса к либерализму придает особую актуальность изучению предреволюционной бюрократической элиты. Необходимость этого предопределяет и ситуация, сложившаяся в научной историографии. Действительно, специальные работы, посвященные бюрократической элите периода Первой мировой войны, на сегодняшний день отсутствуют. Однако в историографии существуют исследования, посвященные отдельным аспектам этой темы. Первые попытки их рассмотрения были предприняты сразу после падения монархии и свя-

заны с именами В.Н. Сторожева, А.А. Блока, С.С. Петропавловского, В.П. Семенникова, Е.И. Мартынова и П.Е. Щеголева.¹²²

Перечисленные авторы рассматривали состояние власти накануне и в дни Февральской революции. Весьма скоро традиция изучения этой темы в отечественной историографии пресеклась, поскольку советские историки концентрировали свое внимание на изучении горизонтальных противоречий, пронизавших общество («классовых противоречий»).

Эмигрантские историки, рассматривая историю русской революции, главное внимание уделяли горизонтальным противоречиям, которые пролегли между властью и обществом. На анализе этих противоречий базировалась концепция предьстории революции, созданная лидером кадетов П.Н. Милюковым.¹²³ Ее существенным недостатком является политизированность, обусловившая преувеличение выдающимся историком консервативности бюрократии. Влияние концепции П.Н. Милюкова породило недооценку позднейшими исследователями роли правительственного либерализма в 1914–1917 гг.

С.П. Мельгунов и В.А. Маклаков,¹²⁴ а также С.С. Ольденбург,¹²⁵ несмотря на разность их воззрений (до 1917 г. первый из них являлся народным социалистом, второй — правым кадетом, а третий — умеренным октябристом), разработали концепции предьстории революции, которые объединяются большей объективностью. Следы влияния перечисленных авторов видны в исследовании Г.М. Каткова, появившемся в 1967 г.¹²⁶

Большой популярностью на Западе пользовалась концепция П.Н. Милюкова, что видно на примере книг М.Т. Флоринского и Б.Пэйрса.¹²⁷ Западные историки 1950–1960-х гг. не вышли за рамки трактовки, данных Б.Пэйрсом.¹²⁸ Исключение из общего правила составили статьи Л.Хейсона,¹²⁹ важные для понимания социально-политического фона, в контексте которого протекал конфликт между либеральной оппозицией и царским правительством.

Первым советским историком, обратившимся к изучению горизонтальных противоречий между обществом и властью, применительно к предьстории Февральской революции, стал Е.Д. Черменский. Еще в 1947 г. он защитил по этой теме докторскую диссертацию, положенную в основу статей и монографий.¹³⁰

Работы Е.Д. Черменского — исключение из правил. Изучение советскими историками горизонтальных противоречий, разделявших общество и власть накануне падения царизма, первоначально было возможно в рамках не собственно политической, а лишь экономической истории. Подтверждением этому являются исследования И.В. Маевского, К.Н. Тарновского и А.Л. Сидорова.¹³¹ Однако уже Р.Ш. Ганелин, помимо экономических аспектов истории России 1914–1917 гг., в ряде статей и монографий рассмотрел также внутри- и внешнеполитические аспекты данной проблемы.¹³²

Вслед за Р.Ш. Ганелиным В.С. Дякин предпринял попытку комплексного анализа сложившихся в годы войны взаимоотношений буржуазии и царизма.¹³³

К исследованию В.С. Дякина тематически примыкают исследования В.Я. Лаврычева.¹³⁴ Беспрецедентно широкая для советской историогра-

фии картина предыстории Февральской революции была дана Э.Н.Бурджаловым.¹³⁵ Работой, которая заняла место в этом же историографическом ряду, стала монография А.Г.Слонимского.¹³⁶

Дальнейшему изучению предреволюционной политики царского правительства способствовали книги и статьи Г.З.Иоффе.¹³⁷ Другим историком, обратившимся в 1970-е гг. к изучению конфликта между самодержавием и общественностью, явился В.И.Старцев.¹³⁸ Внутриполитические аспекты внешней политики России периода Первой мировой войны затронул В.А.Емец.¹³⁹

Если обратиться к зарубежной, и прежде всего — англоязычной, историографии 1970-х гг., то там наиболее важными, с точки зрения предыстории Февральской революции, стали исследования У.Розенберга, Н.Стоуна, Ц.Хасегавы, Р.Пирсона и Х.Солсбери.¹⁴⁰

В 1980-е гг. внимание исследователей постепенно переключается с изучения противоречий между властью и обществом на изучение противоречий внутри власти. Символ этой переориентации — вышедшая в 1984 г. коллективная монография, освещающая состояние самодержавия в царствование Николая II. Соответствующая глава монографии была написана В.С.Дякиным.¹⁴¹

Насколько изучение наблюдавшихся накануне революции противоречий внутри власти стало актуальным, видно из того, что этой темой, параллельно с В.С.Дякиным, заинтересовался его оппонент — А.А.Аврех.¹⁴² Особенностью работ последнего является то, что в них полностью реанимированы некоторые стереотипы эмигрантской историографии. Вместе с тем А.А.Авреху принадлежит сохраняющий свое значение вывод о том, что именно в годы войны произошло рассогласование связей между императором и его министрами.¹⁴³

Помимо политической истории России периода мировой войны, в 1980-е гг. советские исследователи продолжали изучение внешней политики данного периода, и в частности — ее внутриполитических аспектов, рассмотренных В.С.Васюковым и И.В.Алексеевой.¹⁴⁴ Те же самые аспекты, но только применительно к экономической истории, осветила Т.М.Китанина.¹⁴⁵

В центре внимания монографии М.Ф.Флоринского — функционирование в годы войны царского правительства.¹⁴⁶ Отношение к его политике со стороны лидеров оппозиции проанализировала Н.Г.Думова.¹⁴⁷ Реакцию представителей старого порядка на приближение революции рассмотрели Р.Ш.Ганелин и В.А.Уланов.¹⁴⁸

В 1980-е гг. изучение состояния власти накануне падения монархии, в связи с историей политической культуры России, продолжалось и западными исследователями, в частности — Д.Ливеном¹⁴⁹ и М.Хильдермайером.¹⁵⁰

Важные выводы о природе предреволюционной власти сделаны в работе Р.Пайпса, вышедшей в 1990 г. и отличающейся тягой автора к историческим обобщениям.¹⁵¹

Вообще, 1990-е гг. отмечены интересом исследователей к общей проблематике, что показал научный коллоквиум «Реформы или революция? Россия 1861—1917». Представленный на этом коллоквиуме доклад Б.В.Ананьича и Р.Ш.Ганелина был посвящен типологии процессов, наблюдавшихся во власти в годы Первой русской и накануне Февральской революций.¹⁵²

Доклад А.В.Островского, сделанный им в 1994 г. на конференции по истории элиты российского общества, также полон широкими обобщениями. Крайне интересными представляются предположения А.В.Островского об обусловленности деятельности оппозиции состоянием верхов.¹⁵³

Итоги деятельности отечественных историков, занимающихся изучением противоречий, пролежавших не только между властью и обществом, но и внутри власти, подведены в коллективной монографии «Власть и реформы». Глава, посвященная периоду войны, была написана В.С.Дякиным.¹⁵⁴

Кроме появления большого числа работ по общей тематике, 1990-е гг. отмечены возрождением исследовательского интереса к Первой мировой войне,¹⁵⁵ причем не только к ее военному, но и к социально-политическим аспектам. Доказательством этого стал состоявшийся в 1998 г. научный коллоквиум «Россия и Первая мировая война».¹⁵⁶

Из недавних работ, посвященных состоянию власти в России периода мировой войны, необходимо назвать статьи Р.Ш.Ганелина¹⁵⁷ и М.Ф.Флоринского,¹⁵⁸ а также статьи, написанные ими совместно.¹⁵⁹ Помимо них, отдельные стороны состояния власти накануне Февральской революции в последние годы успешно изучали С.Г.Беляев,¹⁶⁰ А.П.Бородин,¹⁶¹ А.Н.Боханов,¹⁶² Б.М.Витенберг,¹⁶³ Ф.А.Гайда,¹⁶⁴ А.А.Искендеров,¹⁶⁵ Б.И.Колоницкий,¹⁶⁶ И.В.Лукоянов,¹⁶⁷ К.Мацузато,¹⁶⁸ У.Розенберг,¹⁶⁹ С.Л.Фирсов,¹⁷⁰ Л.Хеймсон,¹⁷¹ В.М.Шевырин¹⁷² и другие историки. Некоторые аспекты заявленной темы затронуты также в кандидатской диссертации,¹⁷³ статьях¹⁷⁴ и публикациях¹⁷⁵ автора этой книги.

Наметившаяся в 1980-е гг. переориентация интереса историков с изучения горизонтальных противоречий внутри общества и между властью и обществом на изучение вертикальных противоречий внутри власти имеет огромное методологическое значение. Ведь именно эта переориентация создала предпосылки для освобождения исследовательского сознания от стереотипов, довлевших над ним в течение предыдущих десятилетий.

Невнимание к вертикальным противоречиям создало абсурдную историографическую ситуацию, когда значение политической борьбы, которая происходила внутри бюрократической элиты накануне Февральской революции, либо преуменьшается, либо игнорируется. В результате адекватное представление о причинах и закономерностях падения старого и возникновения нового порядка становится невозможным. Эта книга есть не что иное, как посильный вклад в изменение подобной ситуации.

Конечно, изучение горизонтальных противоречий внутри общества и между обществом и властью не потеряло своей актуальности до сих пор. Однако теперь оно становится исчерпывающим только тогда, когда не подменяет собой рассмотрения вертикальных противоречий внутри власти. Большой популярностью пользуется сейчас микроистория. Но в ее рамках анализируются только нижестоящие уровни исторической реальности. Между тем микроисторический синтез необходим едва ли не более тогда, когда рассматриваются вышестоящие уровни, в том числе — бюрократическая элита. Сквозь призму такого подхода были проработаны исторические источники, положенные в основу этого исследования.¹⁷⁶

Заканчивая вступление, автор находит неслучайным долгом выразить искреннюю благодарность С.М.Ляндресу, подтолкнувшему автора к написанию настоящей книги, и Д.Вульф, Р.Роббинсу, А.В.Смолину и П.А.Трибунскому, прочитавшим рукопись книги и сделавшим ценные замечания. В целесообразности некоторых своих идей автор убедился во время заседаний основанного С.М.Ляндресом в 1998 г. семинара по истории Временного правительства. В частности, в статье сборника «Россия в XIX–XX вв.», посвященного 70-летию Р.Ш.Ганелина и опубликованного в мае 1998 г., автор доказывал идею о тождественности лозунгов «министерства доверия» и «ответственного министерства». Однако ту же самую идею на майском заседании семинара отстаивал С.М.Ляндрес, пришедший к ней самостоятельно.

В ходе написания книги большое значение имело для автора общение с Р.Ш.Ганелиным, Б.Б.Дубенцовым, А.Н.Цамутали и другими коллегами по Санкт-Петербургскому Институту истории РАН (среди них – Б.В.Ананьич, Т.В.Андреева, С.Г.Беляев, Л.А.Булгакова, В.Г.Вовина, Б.Ф.Егоров, Б.С.Каганович, Б.И.Колоницкий, В.В.Лапин, С.К.Лебедев, И.В.Лукоянов, Б.Н.Миронов, В.А.Нардова, Е.А.Правилова, М.М.Сафонов, Н.Н.Смирнов, В.Г.Чернуха, В.Ю.Черняев), а также с членами Исторического общества при Европейском университете в Санкт-Петербурге и сотрудниками этого университета. Хочется поблагодарить и сотрудников библиотек и архивов (прежде всего – С.И.Варехову, Б.М.Витенберга и Б.Д.Гальперину). Теплую признательность автор испытывает по отношению к А.В. и Е.С.Павловым, Кате Павловой и К.И.Тимоховой, помогавшим ему при подготовке рукописи к печати.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Основоположниками элитизма считаются итальянские социологи конца XIX – начала XX вв. Г.Моска и В.Парето. Их работы см.: *Mosca G. The Ruling Class*. N. Y., 1939; *Pareto V. The Rise and Fall of the Elites: The Application of Theoretical Sociology*. N. Y., 1968. Об истории и теории элитизма см.: *Ашин Г.К., Игнатов В.Г., Понделков А.В., Старостин А.М.* Основы политической элитологии. М., 1999; *Eldersveld S.J. Political Elites in Modern Societies: Empirical Research and Democratic Theory*. Ann Arbor, 1993. См. также: *Киселев И.Ю.* Политическая элита: ее сущность и психология (по материалам исследований американских ученых). Ярославль, 1995.

² *Барк П.Л.* Воспоминания // *Возрождение*. 1966. Кн.173. С.103.

³ *Нольде Б.Э.* Из истории русской катастрофы // *СЗ*. 1927. Т.30. С.542.

⁴ См. список литературы.

⁵ То же.

⁶ Об императорском дворе см.: *Куликов С.В.* Высшая царская бюрократия и Императорский двор накануне падения монархии // *ИГВ*. 1999. Вып.11; *он же.* «Необычайное презрительное отношение к самой промышленности и торговле». Придворные и предприниматели в начале XX в. // *История глазами историков*. СПб.–Пушкин, 2002; *он же.* Придворный штат и частное предпринимательство в начале XX в. // *Страницы российской истории: Проблемы, события, люди*. СПб., 2003.

⁷ Среди членов Государственного совета по назначению не принадлежали к потомственному дворянству генерал М.М.Бородин (сын штабс-капитана), В.И.Герье (из иностранцев), П.Н.Думитрашко (сын протоиерея), Н.А.Зверев (из мещан), генерал Н.И.Иванов (сын штабс-капитана), П.П.Кобылинский (сын статского советника), А.Ф.Кони (сын коллежского советника), А.В.Кривошеин (сын подполковника), А.А.Макаров (из купцов), С.С.Манухин (сын личного дворянина), К.С.Немешаев (сын коллежского секретаря), А.П.Никольский (сын священника), А.Н.Разумовский (из мещан), генерал Н.В.Рузский (сын чиновника), С.В.Рухлов (сын губернского секретаря), А.И.Соболевский (сын чиновника), Н.С.Таганцев (из купцов), генерал Д.С.Шуваев и Б.М.Якунчиков (оба – из потомственных почетных граждан). Среди министров и главнуправляющих недворянами были: генерал М.А.Беляев (сын генерал-лейтенанта), С.Е.Крыжановский (сын бакалавра), Н.К.Кульчицкий (из обер-офицерских детей), В.И.Мамантов (сын тайного советника),

генерал В.И.Марков (из купцов), Н.Н.Покровский (сын действительного статского советника), Н.П.Раев (из духовного звания) и Г.Е.Рейн (сын унтер-офицера). Из числа товарищей министров и начальников министерских подразделений недворянами, в частности, были: А.Т.Васильев (сын чиновника), А.А.Евтифеев (сын губернского секретаря), Н.П.Ланговой (из купцов), Г.В.Левицкий (из обер-офицерских детей), Р.М.Ловягин (из солдатских детей), генерал А.А.Маниковский (сын надворного советника), В.В.Прилежаев (из духовного звания), В.И.Разумовский (из духовного звания), адмирал А.И.Русин (из духовного звания), В.Т.Шевяков (из мещан) и многие другие (*Куликов С.В.* Социальный облик высшей бюрократии России накануне Февральской революции // *ИГВ*. 1995. Вып.5. С. 4,7,11,13–14).

⁸ Там же С.15,17.

⁹ Там же. С.20.

¹⁰ Доклад на съезде соединенной комиссии представителей правых партий в г. Киеве по вопросу о желательных изменениях в законах о выборах в Государственную думу и в Положении об учреждении Государственной думы // *Правые партии. Документы и материалы*. В 2-х т. М., 1998. Т.1. С.230; *Журналы заседаний Первого съезда уполномоченных дворянских обществ // Обьединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ*. М., 2001. Т.1. 1906–1908 гг. С.49.

¹¹ *Федорченко В.И.* Императорский дом. Выдающиеся сановники. Энциклопедия биографий. В 2-х т. Красноярск, 2000. Т.1. С.37.

¹² РГИА. Ф.1343. Оп.17. Ч.1. Д.1211. Л.1.

¹³ Там же. Оп.18. Д.340. Л.45,48 об.,50,62–63.

¹⁴ *Куликов С.В.* Русские немцы в составе Императорского двора и высшей бюрократии: коллизия между конфессиональной и национальной идентичностями в начале XX в. // *Немцы в государственности России*. СПб., 2004. С.61.

¹⁵ РГИА. Ф.1343. Оп.19. Ч.1. Д.1266. Л.3 об.,12.

¹⁶ *Куликов С.В.* Русские немцы в составе Императорского двора и высшей бюрократии. С.61.

¹⁷ Там же.

¹⁸ РГИА. Ф.1343. Оп.20. Ч.1. Д.1323. Л.11.

¹⁹ *Федорченко В.И.* Указ. соч. С.482.

²⁰ РГИА. Ф.1343. Оп.23. Ч.3. Д.8724. Л.18.

²¹ *Бурыйкин П.А.* Москва купеческая. М., 1991. С.204; *Шилов Д.Н.* Государственные деятели Российской империи. 1802–1917. Биобиблиографический справочник. СПб., 2001. С.386.

²² РГИА. Ф.1343. Оп.25. Ч.1. Д.477. Л.22.

²³ *Крыжановский С.Е.* Заметки русского консерватора // *ВИ*. 1997. № 2–3. С.130; *Куликов С.В.* Русские немцы в составе Императорского двора и высшей бюрократии. С.61.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ *Куликов С.В.* Политическая дифференциация членов Государственного совета в годы Первой мировой войны (август 1915 – февраль 1917) // *ИГВ*. 1997. Вып.9. С.10.

²⁷ *Губастов К.А.* Генеалогические сведения о русских дворянских родах, происшедших от внебрачных союзов. СПб., 1908; *Куликов С.В.* Русские немцы в составе Императорского двора и высшей бюрократии. С.61.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ РГИА. Ф.1343. Оп.32. Д.793. Л.25,29.

³¹ РГИА. Ф.1343. Оп.33. Д.710. Л.4,56–56 об.

³² *Куликов С.В.* Русские немцы в составе Императорского двора и высшей бюрократии. С.61.

³³ *Симанович А.С.* Распутин и евреи. Воспоминания личного секретаря Григория Распутина. М., 1991. С.93; *Шилов Д.Н.* Указ. соч. С.757; *Куликов С.В.* Русские немцы в составе Императорского двора и высшей бюрократии. С.61.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ *Бобринский А.А.* Дворянские роды, внесенные в Общий гербовник Всероссийской империи. В 2-х ч. СПб., 1890. Ч.1. С.587.

³⁷ *Куликов С.В.* Русские немцы в составе Императорского двора и высшей бюрократии. С.61.

³⁸ Там же.

³⁹ РГИА. Ф.1343. Оп.17. Ч.1. Д.2603. Л.4 об.,19.

⁴⁰ Там же. Д.2604. Л.2 об.,22.

⁴¹ Там же. Ч.2. Д.6415. Л.6–7,11.

⁴² *Бобринский А.А.* Указ. соч. Ч.2. С.754.

⁴³ РГИА. Ф.1343. Оп.18. Ч.2. Д.2177. Л.12,15.

⁴⁴ Там же. Д.2415. Л.1 6,3 об.,6 об.,7.

⁴⁵ *Бобринский А.А.* Указ. соч. Ч.2. С.610.

⁴⁶ *Куликов С.В.* Русские немцы в составе Императорского двора и высшей бюрократии. С.61.

⁴⁷ Там же.

- ⁴⁸ РГИА. Ф. 1343. Оп. 19. Ч. 1. Д. 1795. Л. 26, 38.
- ⁴⁹ Там же. Д. 2839. Л. 3 об., 44 об.
- ⁵⁰ Там же. Оп. 35. Ч. 2. Д. 7868. Л. 32-32 об.
- ⁵¹ Там же. Оп. 21. Д. 1942. Л. 24 об.
- ⁵² Там же. Оп. 23. Ч. 1. Д. 977. Л. 12.
- ⁵³ Там же. Д. 2236. Л. 2.
- ⁵⁴ *Левин Н.Ф., Филиппов М.А., Шумков А.А.* Лавриновские. Дворяне Псковской губернии. СПб., 1998. С. 6-7.
- ⁵⁵ *Бобринский А.А.* Указ. соч. Ч. 2. С. 634.
- ⁵⁶ *Губастов К.А.* Указ. соч.
- ⁵⁷ РГИА. Ф. 1343. Оп. 25. Ч. 2. Д. 5338. Л. 37 об., 68.
- ⁵⁸ *Бобринский А.А.* Указ. соч. Ч. 2. С. 590.
- ⁵⁹ Там же. С. 661.
- ⁶⁰ Там же. С. 610.
- ⁶¹ РГИА. Ф. 1343. Оп. 28. Ч. 1. Д. 2122. Л. 5, 13.
- ⁶² *Бобринский А.А.* Указ. соч. Ч. 2. С. 697.
- ⁶³ *Куликов С.В.* Высшая царская бюрократия и Императорский двор накануне падения монархии. С. 57-58.
- ⁶⁴ *Бобринский А.А.* Указ. соч. Ч. 2. С. 697.
- ⁶⁵ *Куликов С.В.* Русские немцы в составе Императорского двора и высшей бюрократии. С. 61.
- ⁶⁶ РГИА. Ф. 1343. Оп. 19. Ч. 1. Д. 737. Л. 3, 37.
- ⁶⁷ *Куликов С.В.* Русские немцы в составе Императорского двора и высшей бюрократии. С. 61.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ РГИА. Ф. 1343. Оп. 20. Ч. 1. Д. 203. Л. 2, 14-14 об.
- ⁷⁰ *Куликов С.В.* Русские немцы в составе Императорского двора и высшей бюрократии. С. 61.
- ⁷¹ РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Ч. 1. Д. 1922. Л. 3 об., 21, 22а.
- ⁷² Там же. Оп. 25. Ч. 2. Д. 5402. Л. 2 об., 9.
- ⁷³ Там же. Оп. 26. Ч. 1. Д. 1327. Л. 8 об., 19-19 об.
- ⁷⁴ Там же. Оп. 33. Д. 1659. Л. 7 об., 13-13 об.
- ⁷⁵ *Куликов С.В.* Русские немцы в составе Императорского двора и высшей бюрократии. С. 61.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ РГИА. Ф. 1343. Оп. 23. Ч. 1. Д. 2741. Л. 45-45 об.
- ⁷⁸ *Губастов К.А.* Указ. соч.; *Витте С.Ю.* Воспоминания. В 3-х т. М., 1960. Т. 1. С. 71.
- ⁷⁹ *Куликов С.В.* Русские немцы в составе Императорского двора и высшей бюрократии. С. 61.
- ⁸⁰ См. прим. 27.
- ⁸¹ *Трубецкой С.Е.* Минувшее. М., 1991. С. 117; *Ону А.М.* Загадки русского сфинкса. М., 1995. С. 19; Приложение 2 к докладу на съезде соединенной комиссии представителей правых партий в г. Киеве по вопросу о желательных изменениях в законах о выборах в Государственную думу и в Положении об учреждении Государственной думы // Правые партии. Т. 1. С. 238; Приложения к журналам заседаний Четвертого съезда уполномоченных дворянских обществ // Объединенное дворянство. Т. 1. 1906-1908 гг. С. 849. О социальной неоднородности дворянства конца XIX - начала XX в. см. также: *Корелин А.П.* Дворянство в пореформенной России. 1861-1904. Состав, численность, корпоративная организация. М., 1979; *Мионов Б.Н.* Социальная история России периода Империи (XVIII - начало XX в.). В 2-х т. СПб., 2000. Т. 1. С. 82-98.
- ⁸² Подробное об этом см.: *Куликов С.В.* Русские немцы в составе Императорского двора и высшей бюрократии.
- ⁸³ *Куликов С.В.* Высшая царская бюрократия как элемент социальной структуры предреволюционного Петрограда // Петербургские чтения 96. Материалы энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург-2003». СПб., 1996. С. 172.
- ⁸⁴ *Ковалевский М.М.* Воспоминания // ИСССР. 1969. № 5. С. 91; *Тхоржевский И.И.* Последний Петербург. Воспоминания камергера. СПб., 1999. С. 31; *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 241, 242.
- ⁸⁵ Подробное об этом см.: *Куликов С.В.* Власть науки и наука власти в России начала XX в. // Россия XXI. 2001. № 5, 6; *он же.* Царская бюрократия и научное сообщество в начале XX в.: закономерности и типы отношений // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е - начало 1920-х гг. Материалы международного науч. colloquium. СПб., 2003.
- ⁸⁶ О превращении бюрократической элиты в «служилую интеллигенцию» см.: *Куликов С.В.* Российская интеллигенция и высшая царская бюрократия в начале XX в. // Российская интеллигенция на историческом переломе. Первая треть XX в.: Тезисы докладов и сообщений науч. конф., Санкт-Петербург, 19-20 марта 1996 г. СПб., 1996.
- ⁸⁷ *Петрункевич И.И.* Из записок общественного деятеля. Воспоминания // АРР. 1934. Т. 21. С. 152.
- ⁸⁸ *Вильтон Р.* Последние дни Романовых // Последние дни Романовых. М., 1991. С. 386; Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914-1917 гг. // ВИ. 1996. № 1. С. 120;

А.А. Риттих - А.Н. Яхонтову. 15 июня 1922 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова (записки заседаний и переписка). СПб., 1999. С. 432; *Кригер-Войновский Э.Б.* Записки инженера. Воспоминания, впечатления, мысли о революции // *Кригер-Войновский Э.Б.* Записки инженера. Воспоминания, впечатления, мысли о революции; *Спроге В.Э.* Записки инженера. М., 1999. С. 9. Нельзя согласиться с В.Р. Лейкиной-Свириной, которая полагала, что «образование и навыки» чиновников «оставались вне функций профессионального труда интеллигенции» (*Лейкина-Свириная В.Р.* Русская интеллигенция в 1900-1917 гг. М., 1981. С. 34-35).

⁸⁹ *Палеолог Ж.М.* Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 10.

⁹⁰ *Завадский С.В.* На великом изломе (Отчет гражданина о пережитом в 1916-1917 гг.) // АРР. 1923. Т. 8. С. 27.

⁹¹ Проект выборов в V Государственную думу // Монархия перед крушением. 1914-1917. Бумаги Николая II и другие документы. М.-Л., 1927. С. 245.

⁹² Применяя понятие «правительственный либерализм», мы вкладываем в него то содержание, которое имел в виду Б.Н. Чичерин, когда, в дополнение к понятию «оппозиционного либерализма», более всего присущего общественному движению, он выдвинул понятие «либерализма охранительного» с его парадоксальным лозунгом «либеральные меры и сильная власть». Этот вид либерализма действует, «понимая условия власти, не становясь к ней в систематически враждебное отношение, не предъявляя безрассудных требований, но сохраняя беспристрастную независимость, побуждая и задерживая, где нужно» (*Чичерин Б.Н.* Различные виды либерализма // Опыт русского либерализма. Антология. М., 1997. С. 47). Во всей своей значимости проблема правительственного либерализма XVIII - начала XX в. была поставлена В.В. Леонтовичем еще в 1957 г., в монографии, опубликованной по-немецки. Русский перевод этой работы издан в 1980 г. в Париже и в 1995 г. - в Москве (*Леонтович В.В.* История либерализма в России. 1762-1914. М., 1995). В последнее время эта проблема привлекала внимание Б.В. Ананьича, Е.В. Анисимова, Р.Ш. Ганелина, В.С. Дякина, А.Н. Цамутали и В.Г. Чернухи (Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996). Кроме того см.: *Куликов С.В.* Правительственный либерализм начала XX в. как фактор реформаторского процесса // Империя и либералы: Материалы международной конф. СПб., 2001.

⁹³ Об общественном либерализме начала XX в. см.: *Шаццло К.Ф.* Русский либерализм накануне революции 1905-1907 гг.: Организация. Программа. Тактика. М., 1985; *Шелохаев В.В.* Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907-1914 гг. М., 1991; *он же.* Либеральная модель переустройства России. М., 1996; *Тоголевский А.В.* Очерки истории русского либерализма XIX - начала XX в. СПб., 1996; *Селецкий В.Н.* Прогрессизм как политическая партия и идейное направление в русском либерализме. М., 1996; *Fischer G.* Russian Liberalism: From Gentry to Intelligentsia. Cambridge, 1958; *Galai Sh.* The Liberation Movement in Russia: 1900-1905. N. Y., 1973. См. также: Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы: Материалы международной науч. конф., Москва, 27-29 мая 1998 г. М., 1999; Либеральный консерватизм: история и современность. Материалы науч.-практ. конф., Ростов-на-Дону, 25-26 мая 2000 г. М., 2001; *Essays on Russian Liberalism /Ed. by С.Е. Timberlake.* Columbia, 1972. Характерно, что тематика статей этих сборников, которые подытожили изучение российского либерализма отечественными и западными историками, почти не касается правительственного либерализма начала XX в.

⁹⁴ *Карпович М.М.* Два типа русского либерализма. Маклаков и Милоков // Опыт русского либерализма. С. 398, 400; *Тыркова А.В.* То, чего больше не будет. На путях к свободе. М., 1998. С. 380; В.А. Маклаков - И.И. Тхоржевскому. 27 марта 1936 г. // *Тхоржевский И.И.* Указ. соч. С. 150. Левизна кадетской партии проистекала из того, что она «сходится с социализмом» (*Новгородцев П.И.* Идеалы Партии народной свободы и социализм // Опыт русского либерализма. С. 298). Именно поэтому, по мнению современника, кадетская партия «была не только оппозиционная, но даже, несомненно, революционная» (*Толстой И.И.* Дневник. 1906-1916. СПб., 1997. С. 218).

⁹⁵ *Крыжановский С.Е.* Заметки русского консерватора // ВИ. 1997. № 3. С. 120.

⁹⁶ *Шаховской В.Н.* Sic transit gloria mundi. 1893-1917 гг. // РВ. 1995-1996. Кн. 64-65. С. 132-134. См. также: Свод Основных государственных законов // Государственный строй Российской империи накануне крушения: Сб. законодательных актов. М., 1995. С. 15, 24. Подробнее об Основных законах см.: *Szeffel M.* The Russian Constitution of April 23, 1906: Political Institution of the Duma Monarchy. Brussels, 1976; *Куликов С.В.* Основные государственные законы 1906 г.: рецепция западного конституционализма в России начала XX в. // Зарубежный опыт и отечественные традиции в российском праве: Материалы всерос. науч.-методологического семинара. СПб., 2004. Кадетской точки зрения на Основные законы 1906 г. придерживался М. Вебер, называя их «Scheinstitutionen». В современной историографии сторонником учения о псевдоконституционализме является А.Н. Медушевский (*Медушевский А.Н.* Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1998). Между тем большинство государствоведов начала XX в., в том числе и оппозиционные, считали, что в 1905-1906 гг. российская монархия превратилась из абсолютной в ограниченную, точнее - дуалистическую, а потому «новый строй» России - «строй конституционный» (*Казанский П.Е.* Власть всероссийского

императора. М., 1999. С. 136,484). Либеральные идеологи начала XX в. «конституционной» называли именно дуалистическую монархию, отличая ее от монархии парламентарной (*Герье В.И.* О конституции и парламентаризме. М., 1906. С.3–4).

⁹⁷ Резолюция совещания ЦК с октябристами, членами Думы и Госсовета и представителями местных отделов Союза, происходившего в Петербурге 25–29 апреля 1906 г. // *Партия «Союз 17 октября»*. Протоколы съездов и заседаний ЦК. М., 1996. Т.1. 1905–1907 гг. С.191.

⁹⁸ А.Ф.Кони — Б.Н.Чичерину. 15 ноября 1898 г. // *Кони А.Ф.* Собр. соч. в 8-ми т. М., 1969. Т.8. Письма. С.145. В компилятивном сборнике, подготовленном государственной канцелярией для нужд бюрократического реформаторства 1905–1906 гг., цитаты из работ Б.Н.Чичерина, по сравнению с остальными правоведами, занимали самое большое место (Самодержавие. История, закон, юридическая конструкция. Б.м., б.г. С.5).

⁹⁹ *Саблер В.К.* О мирной борьбе с социализмом. В 2-х т. Сергиев Посад, 1911. Т.2. С.40–41.

¹⁰⁰ О черносотенцах см.: *Ганелин Р.Ш.* Черносотенные организации, политическая полиция и государственная власть в царской России // *Национальная правая прежде и теперь. Историко-социологические очерки*. В 3-х ч. СПб., 1992. Ч.1; *Степанов С.А.* Черная сотня в России (1905–1914 гг.). М., 1992; *Кирьянов Ю.И.* Правые партии в России. 1911–1917. М., 2001. Об идеологии российской консерватизма начала XX в. см.: *Лукьянов М.Н.* Российский консерватизм и реформа, 1907–1914. Пермь, 2001.

¹⁰¹ Журнал заседания 28 марта 1907 г. Третьего съезда уполномоченных дворянских обществ // *Объединенное дворянство*. Т.1. 1906–1908 гг. С.338.

¹⁰² *Тхоржевский И.И.* Указ. соч. С.31.

¹⁰³ *Крыжановский С.Е.* Заметки русского консерватора // *ВИ*. 1997. № 2. С.120. Эта точка зрения соответствовала консервативно-либеральному дискурсу (*Чичерин Б.Н.* О народном представительстве. М., 1899. С.XVI–XVII; *Герье В.И.* Указ. соч. С.7).

¹⁰⁴ *Барк П.Л.* Указ. соч. // *Возрождение*. 1966. Кн.172. С.98.

¹⁰⁵ 25 лет назад (Из дневника Л.А.Тихомирова) // *КА*. 1930. Т.40. С.60; Правые в 1915 – феврале 1917. По перлюстрированным Департаментом полиции письмам // *Минувшее*. М.—СПб., 1993. Вып.14. С.169.

¹⁰⁶ Первоначально П.А.Столыпин выдавал деньги А.И.Дубровину, издававшему газету «Русское знамя», которая, тем не менее, критиковала премьера за либерализм. Летом 1907 г. П.А.Столыпин распорядился о выдаче А.И.Дубровину 25 000 рублей под условием прекращения на страницах «Русского знамени» критики правительства. Однако на следующий день именно в этой газете появилась очередная антистолыпинская статья, после чего денег А.И.Дубровину больше не выдавали (*Герасимов А.В.* На лезвии с террористами. М., 1991. С.156). А.Я.Аврех писал, что А.И.Дубровин «перестал получать субсидии» из-за «его плохих взаимоотношений с «союзными» главарями» (*Аврех А.Я.* Царизм накануне свержения. М., 1989. С.224). В действительности причиной дубровинской опалы были «плохие отношения» с правительством, а не с «главарями». Вслед за А.И.Дубровиным деньги на поддержку крайне правых изданий получал Н.Е.Марков 2-й, которому выдавали 10 000 – 12 000 рублей в месяц. Но на фоне суммы, полученной рептилиями с октября 1906 г. по март 1911 г. и равнявшейся 3 168 000 рублей, субсидия крайне правым была сравнительно невелика (Допрос С.Е.Крыжановского. 10 июля 1917 г. // Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. В 7-ми т. М.—Л., 1926. Т.5. С.412,413). Правительство отпущало средства не только крайне правым, но и националистам и октябристам (*Крыжановский С.Е.* Воспоминания. Из бумаг С.Е.Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. Берлин, б.г. С.152). Более того, в течение 1905–1907 гг. П.А.Столыпин отпустил оппозиционной Общеземской организации, возглавлявшейся князем Г.Е.Львовым, 5 600 000 рублей (*Полнер Т.И.* Жизненный путь князя Г.Е.Львова. Личность. Взгляды. Условия деятельности. М., 2001. С.193,194). Вопреки этому факту, А.Я.Аврех писал, что «царь и правительство не жалели на черносотенцев денег» (*Аврех А.Я.* Указ. соч. С.224).

¹⁰⁷ *Струве П.Б.* Оздоровление власти // *Струве П.Б.* Patriotic. Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С.395.

¹⁰⁸ *Кирьянов Ю.И.* Предисловие // *Правые партии*. Т.1. С.20.

¹⁰⁹ Царскосельские совещания. Протоколы секретного совещания под председательством бывшего императора по вопросу о расширении избирательного права. // *Былое*. 1917. № 3 (25). С.249; Допрос С.Е.Крыжановского. 10 июля 1917 г. // Падение царского режима. Т.5. С.408,436; *Ковалевский М.М.* Указ. соч. // *ИСССР*. 1969. № 5. С.87.

¹¹⁰ *Оболенский В.А.* Моя жизнь. Мои современники. Paris, 1988. С.222,379; *Епанчин Н.А.* На службе трех императоров. М., 1996. С.238.

¹¹¹ Этот термин употреблялся в начале XX в. На заседании Совета министров 11 февраля 1905 г. министр юстиции С.С.Манухин заявил, имея в виду противников и сторонников создания парламента: «Мысли преданных русских людей, отнюдь не большинство парламентаристов. Миллионы против подчиненного правительства» (*Ганелин Р.Ш.* Заседания Совета министров 3 и 11 февраля 1905 г. в записях Э.Ю.Нольде // *АЕ* за 1989 г. М., 1990. С.303).

¹¹² *Извольский А.П.* Воспоминания. М., 1991. С.22.

¹¹³ Новые материалы к истории создания Основных государственных законов 1906 г. // *РП*. 1998. Кн.8. С.111.

¹¹⁴ *Князьков С.А.* Самодержавие в его исконном смысле. СПб., 1906. С.37.

¹¹⁵ Новые материалы к истории создания Основных государственных законов 1906 г. С.111.

¹¹⁶ *Князьков С.А.* Указ. соч. С.37.

¹¹⁷ Правомерность употребления этого термина объясняется тем, что именно в дуализме, раздвоении власти между монархом и народным представительством, либеральные мыслители видели суть конституционной монархии (*Герье В.И.* Указ. соч. С.3). Термин «дуализм» использовался для наименования особой формы правления, отличной как от парламентаризма, так и от абсолютизма (*Гессен В.М.* Основы конституционного права. Пг., 1918. С.V, VIII, 415–419).

¹¹⁸ Царскосельские совещания. Протоколы Секретного совещания в апреле 1906 г. под председательством бывшего императора по пересмотру Основных законов // *Былое*. 1917. № 4 (26). С.221.

¹¹⁹ *Витте С.Ю.* Указ. соч. Т. 3. С.306.

¹²⁰ Особый журнал Совета министров 13 января 1909 г. «По проекту МВД о выделении из состава Привислинского края восточных частей Седлецкой и Люблинской губерний, с образованием из них особой Холмской губернии» // *Особые журналы Совета министров Российской империи*. 1909 г. М., 2000. С.37.

¹²¹ *Леонтович В.В.* Указ. соч. С.14–16.

¹²² *Сторожев В.Н.* Дипломатия и революция // *Вестник НКВД*. 1920. № 4–5; *он же*. Февральская революция 1917 г. // *Научные известия: Экономика, история, право*. М., 1922. Сб.1; *Блок А.А.* Последние дни императорской власти. Пг., 1921; *Петропавловский С.С.* Дворянство, бюрократия и монархия перед Февральской революцией // *ПРР*. 1922. № 8; *Семенников В.П.* Политика Романовых накануне революции. От Антанты к Германии. М.—Л., 1926; *он же*. Романовы и германские влияния. М.—Л., 1929; *Мартынов Е.И.* Царская армия в Февральском перевороте. Л., 1927; *Щеголев П.Е.* Последний рейс Николая II. М.—Л., 1928.

¹²³ *Милюков П.Н.* История второй русской революции. В 3-х вып. София, 1921–1923; *он же*. Россия на переломе. Париж, 1927.

¹²⁴ *Мельгунов С.П.* На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцией 1917 г. Париж, 1931; *Макаков В.А.* Власть и общественность на закате старой России. В 3-х т. Париж, 1936.

¹²⁵ Отеческое издание: *Ольденбург С.С.* Царствование императора Николая II. СПб., 1991.

¹²⁶ Русское издание: *Катков Г.М.* Февральская революция. М., 1997.

¹²⁷ *Florinsky M. T.* The End of the Russian Empire. Yale–Oxford, 1931; *Pares B.* The Fall of the Russian Monarchy. Lnd., 1939.

¹²⁸ *Seton-Watson H.* The Decline of Imperial Russia. Lnd., 1952; *Taylor E.* The Fall of the Dynasties. Garden City, 1963; *Kochan L.* Russia in Revolution. 1890–1918. Lnd., 1966; *Goldston R.* The Russian Revolution. Lnd., 1967; *Holliday E.* Russia in Revolution. N. Y., 1967.

¹²⁹ *Haimson L.* The Problem of Social Stability in Urban Russia: 1905–1917 // *Slavic Review*. 1964. Vol.23, № 4; 1965. Vol.24, № 1.

¹³⁰ См. список литературы.

¹³¹ *Маевский И.В.* Экономика русской промышленности в условиях I мировой войны. М., 1957; *Тарновский К.Н.* Формирование государственно-монополистического капитализма в России в годы Первой мировой войны. М., 1958; *Сидоров А.Л.* Финансовое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1960; *он же*. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973.

¹³² См. список литературы.

¹³³ *Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967.

¹³⁴ См. список литературы.

¹³⁵ *Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967.

¹³⁶ *Слонимский А.Г.* Катастрофа русского либерализма. Прогрессивный блок накануне и во время Февральской революции 1917 г. Душанбе, 1975.

¹³⁷ См. список литературы.

¹³⁸ *Старцев В.И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. (Борьба вокруг «ответственного министерства» и «правительства доверия»). Л., 1977.

¹³⁹ *Емец В.А.* Очерки истории внешней политики России в период Первой мировой войны. 1914–1917. М., 1977.

¹⁴⁰ *Rosenberg W.G.* Kadets and the Politics of Ambivalens, 1905–1917 // *Essays on Russian liberalism; он же*. Liberals in the Russian Revolution: The Constitutional Democratic Party, 1917–1921. Princeton, 1974; *Stone N.* The Eastern Front, 1914–1917. Lnd., 1975; *Hasegawa T.* The February Revolution: Petrograd, 1917. Seattle–Lnd., 1981; *Pearson R.* The Russian Moderates and the Crisis of Tsarism, 1914–1917. Lnd., 1977; *Solisbury H.* Black Night, White Snow: Russia's Revolutions, 1905–1917. N. Y., 1978.

¹⁴¹ *Дякин В.С.* Царизм и Первая мировая война // *Кризис самодержавия в России. 1895–1917*. Л., 1984.

¹⁴² *Аврех А.Я.* Распад третьеиюньской системы. М., 1985; *он же*. Царизм накануне свержения.

- ¹⁴³ Там же. С.175.
- ¹⁴⁴ *Васюков В.С.* К вопросу о сепаратном мире накануне Февральской революции // ИЗ. 1982. Т.107; *он же.* Внешняя политика России накануне Февральской революции. 1916 – февраль 1917 г. М., 1989; *Алексеева И.В.* Агония сердечного согласия. Царизм, буржуазия и их союзники по Антанте. 1914–1917. Л., 1990.
- ¹⁴⁵ *Китанина Т.М.* Война, хлеб и революция (Продовольственный вопрос в России. 1914 – октябрь 1917 г.). Л., 1985. См. также: *Китанина Т.М.* Россия в Первой мировой войне 1914–1917 гг. Экономика и экономическая политика. СПб., 2003. Ч.1. Экономическая политика царского правительства в первые годы войны. 1914 – середина 1916 г.
- ¹⁴⁶ *Флоринский М.Ф.* Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны (Совет министров в 1914–1917 гг.). Л., 1988.
- ¹⁴⁷ *Думова Н.Г.* Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988.
- ¹⁴⁸ *Ганелин Р.Ш., Уланов В.А.* Примечания // Крушение царизма. Воспоминания участников революционного движения в Петрограде (1907 г. – февраль 1917 г.). Л., 1986.
- ¹⁴⁹ *Lieven D.* Russia's Rulers under the Old Regime. New Haven–Lnd., 1989.
- ¹⁵⁰ *Hildermeier M.* Die russische Revolution 1905–1921. Frankfurt am Main, 1989.
- ¹⁵¹ Русское издание: *Паинс Р.* Русская революция. В 2-х ч. М., 1994.
- ¹⁵² *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Кризис власти в России. Реформы и революционный процесс. 1905 и 1917 // Реформы или революция? Россия 1861–1917. Материалы международного коллоквиума историков. СПб., 1992.
- ¹⁵³ *Островский А.В.* Элита российского общества XIX–XX вв.: некоторые проблемы истории и историографии // ИГВ. 1994. Вып.3. С.17.
- ¹⁵⁴ *Дякин В.С.* Крушение царизма // Власть и реформы.
- ¹⁵⁵ Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. М., 1994.
- ¹⁵⁶ Россия и Первая мировая война: Материалы международного науч. коллоквиума. СПб., 1999.
- ¹⁵⁷ См. список литературы.
- ¹⁵⁸ Там же.
- ¹⁵⁹ Там же.
- ¹⁶⁰ Там же.
- ¹⁶¹ *Бородин А.П.* Государственный совет России (1906–1917). Вятка, 1999.
- ¹⁶² *Боханов А.Н.* Сумерки монархии. М., 1993; *он же.* Император Николай II. М., 1998.
- ¹⁶³ См. список литературы.
- ¹⁶⁴ *Гайда Ф.А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). М., 2003.
- ¹⁶⁵ *Искендеров А.А.* Закат империи. М., 2001.
- ¹⁶⁶ *Колоницкий Б.И.* К изучению механизма десакрализации монархии (Слухи и «политическая порнография» в годы первой мировой войны) // Историк и революция. СПб., 1999.
- ¹⁶⁷ См. список литературы.
- ¹⁶⁸ *Мацузато К.* Земство во время Первой мировой войны. Межрегиональные конфликты и падение царизма // Земский феномен. Политологический подход. Саппоро, 2001.
- ¹⁶⁹ *Розенберг У.* Регулирующее государство и проявления «функциональной легитимности» на закате старого режима // На пути к революционным потрясениям. Из истории России второй половины XIX – начала XX в. Кишинев–СПб., 2000.
- ¹⁷⁰ *Фирсов С.Л.* Православная церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. СПб., 1996.
- ¹⁷¹ См. список литературы.
- ¹⁷² *Шевырин В.М.* Власть и общественные организации в России (1914–1917): Аналитический обзор. М., 2003.
- ¹⁷³ *Куликов С.В.* Высшая бюрократия России в годы Первой мировой войны (1914–1917): Автореферат дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1999.
- ¹⁷⁴ См. список литературы.
- ¹⁷⁵ См. список источников.
- ¹⁷⁶ Подробнее об источниках по истории России начала XX в. см.: *Ганелин Р.Ш., Куликов С.В.* Основные источники по истории России конца XIX – начала XX в. СПб., 2000.